

Legal doctrine of F. A. Hayek: light and shadows

A. M. Lushnikov¹

¹P. G. Demidov Yaroslavl State University, 14 Sovetskaya str., Yaroslavl 150003, Russian Federation

DOI: 10.18255/1996-5648-2022-2-256-265

Research article
Full text in Russian

This article discusses the legal doctrine of the famous Austrian economist Friedrich August Hayek. Its author's assessment is given, in which special attention is paid to the position of the scientist in relation to the interaction of law and economics. The article emphasizes that Hayek assigned a significant place in his research to the general principles of law. It is concluded that Hayek paid the main attention to freedom, which to a certain extent was absolutized. Next, in importance, the scientist singled out legality, then equality, a very original interpretation of justice, and the principles of humanism and democracy were clearly underestimated.

Keywords: F. Hayek; law; economics; principles of law; freedom; legality

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Lushnikov, Andrey M. | E-mail: amlu0909@yandex.ru
Doc. Sc. (Jurisprudence), Doc. Sc. (History), Professor,
Chair, Department of labour law and financial law

Правовая доктрина Ф. А. Хайека: свет и тени

А. М. Лушников¹

¹Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова, ул. Советская, 14,
Ярославль, 150003, Российская Федерация

DOI: 10.18255/1996-5648-2022-2-256-265
УДК 346

Научная статья
Полный текст на русском языке

В данной статье рассмотрена правовая доктрина известного австрийского экономиста Фридриха Августа Хайека. Дана ее авторская оценка, в которой особое внимание обращено на позицию ученого в отношении взаимодействия права и экономики. Сделан вывод, что Хайек существенное место в своих исследованиях отводил общим принципам права. Подчеркивается, что основное внимание среди них уделялось свободе, которая в известной степени абсолютизировалась. Далее по важности Хайек выделял законность, затем равенство, весьма оригинально трактуемую справедливость, а принципы гуманизма и демократизма им явно недооценивались.

Ключевые слова: Ф. А. Хайек; право; экономика; принципы права; свобода; законность

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Лушников, Андрей Михайлович

E-mail: ivanchin@uniyar.ac.ru

Доктор юридических наук, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой трудового и финансового права

Фридрих Август Хайек (1899–1992) был известным экономистом, лауреатом Нобелевской премии по экономике (1974), признанным лидером новой австрийской школы. Между тем он был выпускником юридического факультета Венского университета, доктором права (1921) и доктором политических наук (1923). Знания австрийца в сфере права были глубоки и обширны, но его можно считать в большей степени не теоретиком, а философом права. Его правовая доктрина представляет существенный интерес

© Лушников А. М., 2022

Статья открытого доступа под лицензией CC BY (<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>)

еще и в связи с тем, что он рассматривал взаимодействие права и экономики, что особенно актуально как для юридической, так и экономической науки [1].

В частности, Хайек писал о пагубности последствий специализации знаний в экономической теории и юриспруденции так: «Правила справедливого поведения, изучаемые юристами, служат основанием определения порядка, характерные свойства которого юристу остаются неизвестными, а изучением этого порядка занимается, главным образом, экономист, который, в свою очередь, мало что знает о характерных особенностях правил поведения, на которых покоится изучаемый порядок» [2, с. 23]. Для него взаимодействие в изучении права и экономики – это двусторонний процесс, а право – «правила игры», одинаковые для всех игроков, причем государство может быть причастно только к определению этих самых правил игры.

Кроме того, Хайек неоднократно с гордостью говорил о своем юридическом образовании и утверждал, что знания в сфере права необходимы для экономистов. Более того, он выразил сомнение, не было ли в свое время разделение преподавания права и экономики ошибкой. А далее совсем неожиданное: «...Я лично всегда был благодарен тому, что, когда я начинал, занятия экономической теорией были возможны только в рамках изучения права» [3, с. 281, 282]. Примечательно, что в экономической литературе его вполне обоснованно именуют «юридическим империалистом», распространившим на экономическую науку юридическую методологию, а предлагаемую им модель человека именуют «человек юридический», для которого свобода первична в отношении экономической выгоды [4, с. 214].

Характеристику правовой доктрины Хайека стоит начать с того, что он достаточно убедительно показал: свободному обществу, основанному на идеях либерализма и рыночной экономики, имманентно необходимы четкие и изначально определенные правовые нормы. Для него право выступает предпосылкой существования свободы, собственности и порядка, причем со времен древних греков до наших дней. Австриец прямо утверждал, что «для создания эффективной конкуренции нужна продуманная система законов», а «там, где не удалось создать условия для эффективной конкуренции, надо использовать другие методы управления экономической деятельностью» [5, с. 55, 81–82]. Он не призывал «экономизировать» право, подчинить его экономической целесообразности. Право и его принципы для него были первичны.

Однако либерализм для него был абсолютной ценностью и ведущим принципом, имеющим приоритет над всеми остальными ценностями и принципами. В этой последовательности сильная и привлекательная сторона учения о праве Хайека, но одновременно и его главная слабость. Либерализм ученого основывался на крайнем индивидуализме, индивидуальной психологии, субъективизме. Можно сказать – в духе классика рус-

ской поэзии, – что им владела «одна, но пламенная страсть», которая, впрочем, и ему «изгрызла душу и сожгла». Не зря его в литературе именуют «либераловедом».

Обратной стороной такого подхода стало то, что Хайек был исключительно принципиальным критиком коллективизма и даже социальности во всех проявлениях. Он полагал, что все формы коллективизма, даже основанные на добровольном (но не спонтанном) сотрудничестве, могут существовать только при поддержке государства, а государственное вмешательство нарушает естественный ход развития общества и экономики. Его методологический индивидуализм категорически не сопрягался ни с какими формами коллективизма. Кроме отдельных свободных индивидов и «спонтанного сотрудничества свободных людей», для него ничего не существовало, а все основанное «на преднамеренном замысле» вело к ущемлению индивидуальной свободы и созданию искусственных и нежизнеспособных общественных структур [6, с. 29–32].

В этой связи здравомыслящий и оригинальный мыслитель довольно близоруко полагал, что все созданное по предварительному замыслу является изначально порочным, создающим угрозу «дороги к рабству». Представляется, что Хайек совершенно не разделял две достаточно различные категории: 1) возможность, потенциальную опасность и 2) действительность, осуществимость тоталитаризма. Наличие первой нельзя было отрицать, однако вероятность ее реализации, превращение в действительность для стран Запада была крайне мала, т. к. это требовало совпадения большого числа разнонаправленных и разноуровневых факторов. Хайек с упорством и даже некоторым фанатизмом анализировал именно потенциальную возможность тоталитаризма, почти начисто игнорируя изучение ее объективизации, осуществимости на практике.

Именно поэтому он не разделял политический и правовой режим фашизма и сталинизма, различных разновидностей социализма, либеральной демократии и социал-демократии и др. Все они казались ему «искусственно спроектированными», ведущими к ущемлению либерализма, а затем и к тоталитаризму. Борьбе со всеми проявлениями этой «искусственности» он, по сути, и посвятил свою жизнь, не замечая, что социал-демократия с сопутствующим развитым социальным законодательством являлась и является ведущей политической силой во многих государствах с рыночной экономикой, а ее правовая система отвечает самым высоким критериям правового государства. Именно вера в «спонтанный порядок», организуемый свободными индивидами, привела к тому, что он дал себе зарок никогда не употреблять слово «общество» или «социальный» [7, с. 189]. Все это имело принципиальное значение для выработки правовой доктрины Хайека.

Между тем Ф. А. Хайек был юрист не просто по образованию и первоначальному виду деятельности, но и по типу мышления и даже менталитету. Ему был присущ априоризм, свойственный большинству юристов и так

критикуемый философами. Экономические, как и правовые конструкции, он воспринимал как изначально заданные и не подлежащие эмпирической проверке или опровержению. В этом смысле он был верным последователем своего профессора по Венскому университету, австрийского юриста Г. Кельзена, автора «Чистого учения о праве» [8]. Подобно Кельзену, его ученик первоначально пытался рассматривать экономику, так сказать, в чистом виде, в отрыве от других общественных отношений, но в рамках правовых ограничений. При этом он отвергал учение о естественном праве, как и крайности юридического позитивизма. Впрочем, свои общие позитивистские воззрения Хайек сохранил и был близок в части изучения правовых явлений скорее к социологическому позитивизму.

Если на место «главной нормы» Кельзена можно было бы поставить свободу, то и в дальнейшем учение Хайека вполне сопрягалось бы с подходами Г. Кельзена. Более того, в своем каирском курсе лекций «Политический идеал верховенства закона» (1955) Фридрих Август пришел к выводу, что именно подчинение правилам со стороны индивидуальных элементов (людей и их объединений) может приводить к возникновению порядка [9, с. 161–334]. Заметим, этот вывод даже предшествовал выведению им концепции «стихийного порядка» в экономике. Однако его последовательная ставка на стихийность привела к тому, что даже для законов он ставил под вопрос предварительный замысел и цель их принятия. Для юриста это может казаться странным и даже абсурдным, т. к. принимать закон без цели, прощу прощения за тавтологию, бессмысленно.

Отечественные юристы сразу же отметили соответствие юридическое мировоззрения австрийца развитию рыночной экономики и в значительной части поддержали его позицию. Так, В. В. Лазарев благожелательно отнесся к основным положениям, выраженным в работе Хайека «Дорога к рабству» (1944), назвав ее «по-настоящему глубоко аргументированной... западной моделью либерализма и экономической свободы». Российский ученый констатировал, что эти положения, в числе других, должны учитываться в России при переходе к конкурентным отношениям [10, с. 212–214].

При этом к основным принципам права, которые должны применяться в совокупности, у Хайека было очень разное отношение. В его время, как и сейчас, основополагающими принципами права считались справедливость, свобода, равенство, гуманизм, демократизм и законность. При этом общепризнано, что принципы права должны функционировать в совокупности, т. к. реализация любого из них, взятого изолированно, может привести к отрицательным результатам. Так, демократизм может привести к охлократии, справедливость – к талиону, в духе «око за око, зуб за зуб», гуманизм – к всепрощению и исчезновению юридической ответственности, равенство – к фактической уравниловке, свобода – к произволу и др.

Однако именно принцип свободы, с учетом глубины его либеральных убеждений, стал для австрийского ученого доминирующим и, по сути,

определяющим действие всех остальных принципов. Свободу он понимал как возможность поступать по своему усмотрению при отсутствии внешнего принуждения, «независимость от произвольной воли другого» [11, с. 28–39, 107–110]. Если использовать терминологию британского философа И. Берлина (1909–1997), то он признавал «свободу от» (т. е. строго в негативном смысле), но мало интересовался «свободой для» [12, с.122–185]. Приоритет свободы привел его к достаточно спорному выводу о том, что правила поведения никогда не являются причинами действия, а, напротив, «правила поведения всегда действуют как запрет на действия, диктуемые другими причинами» [13, с. 367]. Между тем с учетом существования обязывающих и управомочивающих норм права такое утверждение весьма проблематично.

Пожалуй, самым странным и даже отталкивающим в его теории является то, что свобода от страха, необразованности, голода и нужды для него имели мало общего с личной свободой и даже находились с ней в конфликте. Используя правовую терминологию, он был за личные (предпочитая не называть их политическими и гражданскими) права и свободы, тогда как социальные и культурные права и свободы вчистую игнорировались. Так, австриец, безусловно, признавал ценность знания и образования, но был противником государственной системы обязательного образования, даже государственной гарантии его минимального уровня, хотя возможность государственной оплаты учебы самых нуждающихся им допускалась [11, с. 458–486]. Таким образом, Хайек прямо ставил уровень образования учеников в зависимость от толщины кошелька родителей.

Принцип равенства также понимался им сугубо в правовом смысле как формальное равенство, или равенство всех перед законом. Следовательно, со всеми людьми, независимо от того, что все они разные, надо обходиться одинаково. При этом Хайек считал утверждение, что «все люди рождаются равными», «просто-напросто ложным», потому что эволюция и генетические различия создали «безграничное разнообразие человеческой природы». Он подчеркнул важность природных задатков, сетуя на то, что стало слишком модно приписывать все человеческие различия социальной среде.

Исходя из того же принципа равенства, наш герой был категорически против прогрессивного налогообложения (не отрицая возможности прогрессии для отдельных налогов), опять же в качестве средства перераспределения дохода от богатых к бедным. Более того, он считал, что это вопрос, «от которого зависит характер нашего будущего». Австриец отмечал, что в большинстве стран дополнительные налоги, уплачиваемые богатыми, составляют небольшую долю общих налоговых поступлений, которая может уступать вызываемому им сокращению реальных доходов (выгоды меньше убытков), и что единственным важным результатом политики является «удовлетворение зависти менее обеспеченных». Кроме того,

получающие бесплатные услуги от налогов с богатых бедные утратят интерес к уплате даже небольших налогов, а основное налоговое бремя ляжет на лиц со средним доходом. Выведение на первые роли зависти к богатым очень характерно для австрийца, тогда как изначально свойственная человеку тяга к справедливости им практически игнорируется.

Он настаивал, что прогрессивное налогообложение противоречит не только принципу равенства всех перед законом, но и принципу демократии, в соответствии с которым большинство не должно навязывать дискриминационные правила в отношении меньшинства [11, с. 395–417]. Аргумент, на наш взгляд, более чем спорный, тем более что с прогрессивным налогообложением тесно связана именно идея социальной солидарности и социального сплочения, а не только социальной справедливости. Впрочем, индивидуалистический подход Хайека таких категорий просто не предполагал.

Вместе с тем аргументы австрийца против прогрессивного налогообложения весьма продуманы, в том числе с учетом необходимости учета уровня косвенного налогообложения, проблем налогового администрирования, экономической обоснованности прогрессии для тех или иных налогов и др. Это признается и некоторыми исследователями, которых нельзя отнести к представителям австрийской школы [14, с. 328–333]. Но главные возражения против его аргументов связаны не с экономическим обоснованием или проблемами техники, а с соблюдением иных принципов права и морали.

При этом Хайек защищал экономическое неравенство, считая его неизбежным порождением правового равенства, причем степень этого неравенства определяет только свободный рынок. Борьба с таким даже самым вопиющим неравенством посредством государства он считал не просто излишним, но и вредным. Соответственно, эффективное удовлетворение общественных потребностей не может быть гарантировано и в случае государственной монополии [11, с. 115–123, 159–164].

Кроме того, Хайек уделял ничтожно малое внимание «обратной стороне» принципа равенства, а именно дифференциации, необходимость которой отчасти диктовалась и принципом гуманизма (повышенная социальная защита детей, женщин, инвалидов и др.). Между тем принцип гуманизма для австрийца имел глубоко подчиненный и даже вторичный характер, что для юристов очень странно. Вся его философия права была не то что антигуманной, но, скорее, агуманной, когда любой результат функционирования рынка признавался наиболее гуманным вне зависимости от его реального содержания. Тут он недалеко ушел от К. Маркса и В. И. Ленина, утверждавших, что гуманно все то, что делается в интересах рабочего класса. Если рабочий класс заменить рынком, то получается почти то же самое. Например, он предлагал не оказывать помощь слаборазвитым странам (как бесплодный порыв облегчит страдания?), чтоб не породить у их населения излишних иллюзий и роста рождаемости [7, с. 214–215]. В общем, последовательным гуманистом Хайек не был ни с какой стороны.

При этом принцип справедливости в общепринятом смысле Хайек практически игнорировал, а социальную справедливость буквально не переносил на дух, а если и упоминал, то только в кавычках и в отрицательной коннотации. При этом коммуникативная справедливость имела определенное значение (о ней далее), а дистрибутивная (уравнивающая) отменялась с порога. Так как он сравнил рынок с игрой, в которой «нет смысла называть результат справедливым или несправедливым», то и утверждал, что «социальная справедливость – пустой звук, не имеющий определенного содержания». Точно так же «результаты усилий индивида обязательно непредсказуемы», в связи с чем вопросы о том, является ли результирующее распределение доходов справедливым или нет, просто бессмысленны.

Он считал любое перераспределение доходов или капитала с участием государства неприемлемым посягательством на индивидуальную свободу, говоря, что «введенный принцип справедливого распределения не будет выполняться, пока все общество не будет организовано в соответствии с ним, которое во всех существенных отношениях было бы противоположностью свободного общества». Фактически он сводил социальную справедливость к известному требованию «отнять у богатых и поделить между бедными», а ее побудительным мотивом считал зависть, что в корне неверно. Кроме того, Хайек считал, что распределение благ не должно зависеть от представлений общества о заслугах отдельных индивидов [11, с. 123–129, 131–133], что уж совсем не вяжется с принципом справедливости. При этом трактовку заслуг он почему-то сводил только к поступкам, достойным моральной похвалы. При этом он не отрицал, что ценность, извлекаемая членами общества из поступков других, подлежит вознаграждению, но через рыночные механизмы. В итоге справедливость сводится не к вознаграждению заслуг, а к оплате выгод.

Как уже указывалось выше, Хайек считал недопустимым конструктивистский подход к праву, сводил его развитие к стихийным процессам, но с ориентацией на изменчивую идею справедливости, которая понималась весьма своеобразно. Последняя, по его мнению, – система эволюционно сложившихся, но зачастую не формализованных правил. Отсюда и весьма странное утверждение, что право древнее законодательства и самого государства, а закон должен стремиться к справедливости, но не создавать ее [15, с. 394–396; 464–465]. С учетом того, что справедливость является следствием деятельности свободного рынка, такое утверждение выглядит внутренне противоречивым, поскольку сам рынок существует и функционирует в рамках норм и принципов права, важнейшим из которых является справедливость. В общем, в данном случае налицо некоторый конфликт между экономическим и правовым пониманием справедливости, на что обращалось внимание в юридической литературе [16].

Принцип демократизма им, с оговорками, признавался, однако в весьма оригинальной интерпретации. В духе либерализма задачей демократиче-

ского государства им провозглашается ограничение государства на применение принуждения, тогда как «демократические демократы» фиксируются на текущем мнении большинства. По его мнению, демократия только метод, средство, ничего не говорящие о целях правления. При этом расширение демократии – противоречивый процесс, причем им вполне допускается существование «тоталитарной демократии», которая нетерпима, и «либерального авторитаризма» как вполне допустимого политического режима. Более того, Хайек даже противопоставляет эти понятия: «Либерализм – это учение о том, каким должен быть закон, а демократия – учение о методе определения того, каким будет закон», и в соответствии с либеральными воззрениями принятый демократическим путем закон не всегда будет хорошим. Демократия не обеспечивает принятие адекватной ситуации решения, не отражает идеал свободы, не расширяет ее и, по сути, должна обслуживать либерализм. Отсюда сам собой напрашивается вывод, что либеральный авторитаризм (пример – Чили при диктатуре А. Пиночета) в любом случае лучше тоталитарной демократии (пример – Чили при президенте С. Альендо). В целом Хайек отказался считать демократию фундаментальным принципом права, основополагающей ценностью, а ограничение права на участие в выборах по возрасту, имущественному цензу, признаку получения социальных пособий и др. он вполне допускал [11, с. 134–152]. В такой позиции был бы смысл, если демократия сочетается с либерализмом, но в данном случае она ему, повторимся, фактически подчиняется. В этой связи австрийца смущала даже модель либеральной демократии.

Законность для Хайека стояла, пожалуй, на втором месте после свободы, однако и здесь не обошлось без оригинальности. Так, он по не совсем понятным причинам считал, что верховенство закона – норма, но внеправовая (хотя и метаправовой принцип) и мыслится лишь как господствующее мнение о свойствах, которыми должен обладать хороший закон, который не может быть частью действующего законодательства и служит лишь критерием его оценки [9, с. 205–207, 216–217]. Между тем этот принцип текстуально закреплен в конституциях практически всех государств, а легализация норм-принципов давно стала мировой практикой. Тем не менее Хайек всегда верил в общество, управляемое законами. По его мнению, «нам нужен социальный порядок, позволяющий существовать и дальше, а не устав клуба самоубийц...мы даже не сможем высказаться о последствиях конкретных событий, если не примем в качестве предварительного условия всеобщее соблюдение определенных норм» [15, с. 468].

В итоге стоит отметить следующее: фрагментарная, местами однобокая и порой оригинальная трактовка австрийцем принципов права привела к весьма противоречивому и двойственному результату. Для большинства экономистов она не представляет особого интереса, а для большинства

юристов видится весьма оригинальной, но слишком оторванной от правовых реалий, даже в качестве философско-правовой основы.

Ссылки

1. Лушников А. М. Право и экономика. М.: Проспект, 2019. 192 с.
2. Хайек Ф. А. Право, законодательство и свобода: Современное понимание либеральных принципов справедливости и политики. М.: ИРИСПЭН, 2006 (по изд. 1979). 644 с.
3. Хайек Ф. Экономика, наука и политика (по изд. 1963) // Собр. соч.: в 19 т. Т. 15: Рынок и другие порядки. М.; Челябинск: Социум, 2020. С. 281–303.
4. Латов Ю. В. Заключение // Дорога к Хайеку / под ред. Р. М. Нуреева, Ю. В. Латова. М.: КНОРУС, 2021. 224 с.
5. Хайек Ф. Дорога к рабству. М.: АСТ, 2021 (по изд. 1944). 352 с.
6. Хайек Ф. А. Индивидуализм и экономический порядок. М.: Изограф, 2000. 287 с.
7. Хайек Ф. А. Пагубная самонадеянность. Ошибки социализма. М.: Новости, 1992 (по изд. 1988). 304 с.
8. Кельзен Г. Чистое учение о праве. М.: Альфа- Пресс, 2015. (по изд. 1960). 542 с.
9. Хайек Ф. Политический идеал верховенства закона // Собр. соч.: в 19 т. Т. 15: Рынок и другие порядки. М.; Челябинск: Социум, 2020. 604 с.
10. Лазарев В. В. Право и экономика // Общая теория права / под. общ. ред. В. К. Бабаева. Нижний Новгород: Нижегородская ВШ МВД, 1993. С. 204–221.
11. Хайек Ф. А. Конституция свободы. М.: Новое издательство, 2018 (по изд. 1960). 528 с.
12. Берлин И. Два понимания свободы // Философия свободы. Европа. М.: Новое литературное обозрение, 2014. 448 с.
13. Хайек Ф. Заметки об эволюции систем правил поведения (по изд. 1967) // Собр. соч. Т.15. С. 364–383.
14. Блауг М. Хайек Фридрих А. фон // 100 великих экономистов после Кейнса. СПб.: Экономикс, 2009. 384 с.
15. Хайек Ф. Результат человеческой деятельности, но не человеческого замысла (по изд. 1967); Ошибки конструктивизма (по изд. 1970) // Собр. соч. Т. 15. С. 384–398, 445–471.
16. Вайпан В. А. Теория справедливости: право и экономика. М.: Юстициформ, 2017. 280 с.